

**В ПОСТЕЛИ С
СЕО**

Сеселия Суарез

18+

Сесилия Суарез
В постели с СЕО

«Автор»

2026

Суарез С.

В постели с CEO / С. Суарез — «Автор», 2026

Я сделала глубокий вдох. Ты можешь. Ты профессионал. Я шагнула к нему сама — вплотную, нарушая все мыслимые границы. Поднялась на цыпочки, приблизив губы к его уху. Почувствовала, как напряглось его тело — едва заметно, но я почувствовала. — У тебя очень красивые глаза, — прошептала я, и мой голос был низким, тягучим, обещающим. — Я не могу перестать думать о том, как они смотрели на меня сегодня ночью. В зале повисла гробовая тишина. Я отступила, поправила очки и повернулась к аудитории с профессиональной улыбкой. — Вот так, — сказала я, и мой голос звенел от напряжения, — делать категорически нельзя. Босс, который не принимает отказов, и девушка, которая построила карьеру на слове «нельзя». Будет горячо и жарко.

© Суарез С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Юля, бухгалтер	5
Глава 2. День, когда остановилось время	10
Глава 3. Реальность	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сесилия Суарез В постели с СЕО

Глава 1. Юля, бухгалтер

Сочи встретил меня влажной пощечиной.

Я вышла из аэропорта и на секунду зажмурилась — солнце плавилось в небе, как желток, который кто-то раздавил прямо на голубой тарелке. Воздух пах солью, нагретым асфальтом и чем-то сладким — кажется, магнолиями. Или, может, это у меня начались галлюцинации после четырехчасового перелета в кресле, которое, подозреваю, проектировал личный ненавистник человеческих коленей.

Чемодан дернулся на кочке и чуть не уехал в кусты. Я чертыхнулась, поправила лямку сумки с ноутбуком и нащарила в телефоне номер такси.

Три дня. У меня было три дня до того, как сюда нагрянет толпа менеджеров среднего звена из «Гольфстрим-Логистик» с их сальными шуточками и корпоративным тимбилдингом в стиле «давайте обнимемся и построим башню из спагетти». Три дня, чтобы морально подготовиться к тому, что их директор — судя по фото на сайте, человек, чей подбородок от одиночества решил завести еще два подбородка для компании — будет пялиться на мою грудь поверх слайдов презентации.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле двери отеля.

Нина Андреевна, консультант по корпоративной этике. Звучит так же сексуально, как «налоговый аудит».

Скучно, Нина. Ты скучная.

Я одернула льняную рубашку, которая уже прилипла к спине, и решила: к черту. У меня есть три дня анонимности, бассейн с подогревом и бар, в котором, судя по фотографиям на сайте, наливают «Апероль» с таким щедрым добавлением просекко, что даже мысли о харасменте на рабочем месте покажутся далекой абстракцией.

Я толкнула дверь.

Лобби отеля пахло деньгами и прохладной кондиционера — лучшее сочетание в тридцатиградусную жару. Где-то справа журчал фонтан, слева мелькали белые диваны, на которых сидели люди, чьи часы стоили дороже моей годовой аренды квартиры в Москве. Я старалась не пялиться, но когда мимо прошла женщина с собакой в коляске — в коляске, Карл! — моя челюсть все-таки поехала вниз.

— Добро пожаловать в «Ривьеру», — администратор у стойки улыбнулась так, будто я была ее любимой племянницей, а не потной женщиной с помятым чемоданом. — Ваш номер с видом на море готов. Желаете что-нибудь еще?

— Бутылку холодной воды, карту бара и амнезию на тему того, что мне через три дня читать лекцию про домогательства людям, которые считают слово «харрасмент» названием французского десерта.

Она моргнула.

— Воду и карту бара, — уточнила я.

Номер оказался именно таким, как на фото: светлым, с огромной кроватью, на которой можно было бы разместить небольшую футбольную команду, и балконом, выходящим прямо на море. Я распахнула двери, впуская соленый ветер, и на секунду просто замерла, вдыхая.

Вот ради этого стоило соглашаться.

Я переоделась в купальник, накинула легкий сарафан и спустилась к бассейну. Народу было немного — несколько пар, компания девушек, явно приехавших за «идеальными фото для блога», и одинокий мужчина в шезлонге у самой воды, который читал книгу.

Стоп.

Я замедлила шаг, притворяясь, что поправляю ремешок сандалии, чтобы рассмотреть его получше. Широкие плечи, темные волосы, влажные после купания, загорелая кожа. Он перевернул страницу, и я заметила, как перекачиваются мышцы под кожей предплечья. Это было... несправедливо. Мужчина не имеет права выглядеть так, будто сошел с обложки романа, который стыдно читать в метро.

Он поднял голову.

Наши взгляды встретились, и у меня внутри что-то щелкнуло — как будто позвоночник вспомнил, что он вообще-то должен держать меня прямо, а не растекаться лужицей по плитке. Глаза у него были серые. Не голубые, не зеленые — настоящие стальные, с тяжелыми веками, которые придавали лицу выражение вечной скуки и легкого презрения ко всему живому.

Опасный, — подумала я. Очень, очень опасный.

Я отвела взгляд и прошла к свободному шезлонгу, чувствуя спиной его взгляд. Он смотрел — я проверила, притворившись, что ищу в сумке крем от загара. Но быстро снова уткнулся в книгу. Хорошо.

Я заказала «Апероль», вытянула ноги и закрыла глаза.

Три дня, Нина. Ты заслужила три дня покоя.

К вечеру я переместилась в бар у бассейна. «Апероль» плавно перетек в «Маргариту», а «Маргарита» уже подмигивала мне третьим бокалом, когда на соседний стул опустился тот самый мужчина.

В белой льняной рубашке с закатанными рукавами он выглядел еще опаснее, чем мокрым. Запонки — я заметила запонки, потому что я из тех людей, которые замечают запонки, — были серебряными, с каким-то гербом. Старые деньги или хорошая подделка.

— Скучаете? — спросил он.

Голос низкий, с легкой хрипотцой — как будто он только что проснулся или много курил. Или и то и другое, и мне, честно говоря, было все равно, потому что от этого голоса у меня по рукам побежали мурашки.

— Разве похоже? — я кивнула на свой бокал. — Я очень занята. У меня важная встреча с сеньоритой Маргаритой.

Уголок его губ дрогнул. Не улыбка — так, намек на нее.

— Я Борис.

Он протянул руку. Я пожала ее, отметив, какая она большая и теплая. И мозоли. У мужчины, который носит серебряные запонки, были мозоли на ладони. Интересно.

— Юля, — сказала я, сама не зная, зачем вру. — Бухгалтер.

Юля. Бухгалтер. Господи, Нина, ты не могла придумать что-то пооригинальнее? Может, сразу «Маша, доярка»?

— Юля-бухгалтер, — повторил он, пробуя имя на вкус. — И что же считает Юля-бухгалтер в Сочи в середине рабочей недели?

— Свои шансы на счастье, — ляпнула я и тут же пожалела.

Борис рассмеялся. Это был неожиданный звук — низкий, рокочущий, он шел откуда-то из груди и заставил бармена обернуться.

— И каковы прогнозы?

— Растут с каждым бокалом.

Он заказал виски. Без льда, без воды — просто виски в тяжелом стакане, который он обхватил пальцами, как будто взвешивая. Я смотрела на его руки и думала о том, что корпо-

ративная этика, которую я проповедую, категорически не одобряет то, что творится у меня в голове.

«Не вступайте в личные отношения с коллегами и клиентами», — говорила я на каждом семинаре. — «Это создает конфликт интересов и подрывает профессиональную репутацию».

Но Борис не был моим коллегой. И не был клиентом. Он был просто мужчиной в баре, который смотрел на меня так, будто я была единственной женщиной на планете, и у меня от этого взгляда подкашивались колени, хотя я сидела.

— Чем занимаетесь? — спросила я, чтобы нарушить тишину, которая становилась слишком заряженной.

— Строительством.

— Мостов? Домов?

— Империй, — он сказал это без улыбки, и я почему-то поверила.

Мы проговорили два часа. О книгах — он читал Маркеса, и я чуть не подавилась клубникой. О путешествиях — он объездил полмира, но терпеть не может туристические места. О еде — он утверждал, что лучшие морепродукты пробовал в какой-то забегаловке на Сицилии, где меню было написано от руки на салфетке.

Он не спрашивал, замужем ли я. Не делал пошлых комплиментов. Просто слушал, смотрел и улыбался краешком губ — так, будто знал что-то, чего не знала я.

— Еще по одному? — спросил он, когда мой бокал опустел.

— У меня завтра... дела.

— Дела подождут.

Он наклонился ближе, и я почувствовала запах его одеколона — древесный, с нотами сандала и чего-то терпкого, почти горького. У меня перехватило дыхание.

— А если не подождут?

— Тогда я придумаю, как их отменить.

О, Господи.

Я должна была сказать «нет». Должна была встать, поблагодарить за приятный вечер и уйти в свой номер, где меня ждали слайды презентации про «недопустимость невербальных сигналов сексуального характера».

Вместо этого я сказала:

— Твой номер или мой?

Лифт ехал слишком медленно.

Мы стояли в углу кабины, и его рука лежала на моей талии — просто лежала, не двигаясь, но я чувствовала жар его ладони сквозь тонкую ткань сарафана, и это сводило с ума. Я смотрела на цифры этажей, задерживая дыхание, потому что боялась — если вдохну слишком глубоко, то просто наброшусь на него прямо здесь.

— Ты дрожишь, — сказал он тихо.

— Кондиционер.

— Врешь.

Двери открылись. Он взял меня за руку и повел по коридору — не тащил, не тянул, просто шел, и я шла за ним, как замороженная. Его номер был в конце коридора, с табличкой «Люкс» и видом на море, который я даже не успела рассмотреть, потому что как только дверь закрылась, он прижал меня к стене.

— Юля, — выдохнул он мне в шею. — Юля-бухгалтер.

Я хотела сказать, что это не мое имя. Хотела признаться, что я не бухгалтер, что я вообще-то эксперт по корпоративной этике и через три дня должна читать лекцию про харассмент. Но его губы нашли мои, и все слова исчезли, растворились в теплой темноте за закрытыми веками.

Он целовался так, как, наверное, строил свои империи — уверенно, властно, не оставляя пространства для сомнений. Одна рука держала мой затылок, вторая скользнула вниз по спине,

прижимая меня ближе, и я почувствовала, какой он твердый — везде. Мозолистая ладонь легла на мое бедро, сжала, приподнимая, и я обхватила его ногами, уже не думая ни о чем.

— Я хочу тебя с того момента, как ты поправила туфли у бассейна, — прошептал он, отрываясь от моих губ и прокладывая дорожку поцелуев по шее к ключице. — Потом ты делала вид, что ищешь крем, а сама смотрела на меня.

— Я не...

— Врешь. Опять.

Он стянул с меня сарафан одним движением — кажется, ткань жалобно треснула, но мне было все равно. Я осталась в купальнике, и он отступил на шаг, разглядывая меня. В полумраке номера его глаза казались почти черными.

— Красивая, — сказал он. Не «сексуальная», не «горячая» — «красивая». И от этого простого слова у меня защемило где-то под ребрами.

Я потянулась к пуговицам его рубашки. Пальцы дрожали — то ли от возбуждения, то ли от нервов, то ли от «Маргариты», которая уже явно пожалела, что связалась со мной. Пуговицы не поддавались, и он накрыл мои руки своими.

— Медленнее, — сказал он. — У нас вся ночь.

Вся ночь.

Я подняла на него глаза. В них не было ни насмешки, ни цинизма — только сосредоточенная, почти пугающая серьезность. Как будто он тоже чувствовал, что это не просто секс с незнакомкой в курортном отеле. Как будто что-то большее уже встало между нами — невидимое, но осязаемое, как электричество перед грозой.

Он расстегнул рубашку сам, не отводя взгляда, и я наконец увидела то, что скрывала ткань. Широкие плечи, рельефная грудь, дорожка темных волос, уходящая под ремень брюк. И шрам на левом боку — тонкая белая линия, старая, но заметная.

— Упал с яхты, — сказал он, перехватив мой взгляд. — В семнадцать лет. Пытался произвести впечатление на девушку.

— Получилось?

— Девушка убежала, когда увидела кровь. А я понял, что не стоит рисковать жизнью ради тех, кто не готов остаться, чтобы перевязать рану.

Я провела пальцами по шраму. Кожа была теплой, чуть шершавой.

— Я бы осталась.

Он ничего не ответил. Просто подхватил меня на руки и понес к кровати.

Той ночью мы не спали.

Он изучал мое тело с дотошностью картографа, наносящего на карту новые земли. Каждый поцелуй, каждое прикосновение было точным, выверенным — как будто он уже знал, где я отзовусь, еще до того, как я сама это понимала. Его губы находили места, о существовании которых я не подозревала, а пальцы... его пальцы творили что-то, от чего я забывала собственное имя.

Юля, — шептал он, вжимая меня в матрас. Юля, смотри на меня.

И я смотрела. В его глаза, которые в темноте стали почти черными. На его лицо — сосредоточенное, хищное, с каплями пота на висках. Он двигался во мне медленно, тягуче, не давая сорваться в бешеный ритм, и от этой медленности я сходила с ума.

— Быстрее, — выдохнула я, впиваясь ногтями в его плечи. — Пожалуйста.

— Нет.

— Борис...

— Нет, — повторил он, и в голосе была сталь. — Ты кончишь тогда, когда я скажу. Не раньше.

Властный. Контролирующий. Опасный.

И — о, боже — я таяла от этого.

Когда он наконец позволил мне сорваться, я вскрикнула так громко, что, наверное, разбудила половину отеля. Он поймал мой крик губами, проглотил его, и его собственный стон прокатился по моему телу вибрацией.

Потом мы лежали, переплетенные, мокрые, тяжело дышащие. Кондиционер гудел, за окном шумело море, а я смотрела в потолок и думала: «Нина, что ты творишь?»

— О чем думаешь? — спросил он, проводя пальцами по моему плечу.

— О том, что завтра мне будет стыдно.

— За что?

— За то, что я не знаю твоей фамилии, но знаю, какой звук ты издаешь, когда...

Он засмеялся и притянул меня ближе.

— Северьянов. Борис Северьянов.

— Юля... просто Юля.

Лгунья. Ты лгунья, Нина.

Я закрыла глаза и заснула в его объятиях, чувствуя себя героиней дешевого курортного романа. Но мне было все равно. У меня было еще два дня. Два дня, чтобы побыть кем-то другим — не строгой Ниной Андреевной с ее презентациями про харассмент, а просто Юлей, которая пьет «Маргариту» и спит с красивым мужчиной, построившим империю.

Два дня, — думала я, проваливаясь в сон. А потом — реальность.

Глава 2. День, когда остановилось время

Я проснулась от того, что солнце нагло светило мне в лицо, а чья-то тяжелая рука лежала поперек моей груди, придавливая к матрасу, как якорь.

Секунду я просто моргала, глядя в белый потолок и пытаясь понять, почему мое тело чувствует себя так, будто я пробежала марафон, а потом меня переехал небольшой грузовик. Приятный такой грузовик. С сексуальным водителем.

Борис.

Он спал рядом, уткнувшись лицом в мое плечо. Его дыхание было теплым и ровным, волосы растрепались, и непокорная прядь упала на лоб, делая его моложе и беззащитнее. Без костюма, без властного взгляда, без этой своей вечной маски «я построил империю и могу купить тебя с потрохами» — просто мужчина, который крепко спал после ночи, полной...

Господи.

Воспоминания нахлынули разом: его губы на моей шее, его руки, сжимающие мои бедра, его голос — низкий, хриплый — приказывающий мне смотреть ему в глаза, когда я кончаю. Я зажмурилась и почувствовала, как щеки заливают румянец. Будучи взрослой женщиной, которая читает лекции про харассмент, я краснела, как школьница, вспоминая ночь с незнакомцем.

Незнакомцем. Юля. Бухгалтер. Боже, Нина, ты идиотка.

— Ты думаешь слишком громко, — пробормотал он, не открывая глаз.

— Я не думаю. Я... медитирую.

— Врешь. Опять.

Он приподнялся на локте и посмотрел на меня. Серые глаза были заспанными, с красными прожилками, но взгляд — острый, цепкий, как будто он уже просчитывал что-то в своей голове. Мужчина-калькулятор. Даже с утра.

— Кофе, — сказал он. — Срочно. Иначе я превращусь в тыкву.

— Тыквы не пьют кофе.

— Я особенная тыква.

Я рассмеялась. Это вышло само собой — легко, свободно, как будто мы были знакомы сто лет, а не одну ночь. Он смотрел, как я смеюсь, и в его глазах появилось что-то странное — мягкое, почти нежное. А потом он наклонился и поцеловал меня. Без напора, без требования — просто поцеловал, как будто пробовал мой смех на вкус.

— У тебя утреннее дыхание, — сказала я ему в губы.

— У тебя тоже. Мы квиты.

Он скатился с кровати — абсолютно голый, ни капли не стеснясь — и пошел к кофемашине в углу люкса. Я смотрела на его спину, на то, как перекачиваются мышцы под загорелой кожей, на ямочки над ягодицами, и думала: «Нина, ты точно сошла с ума. Ты смотришь на задницу мужчины, чью фамилию узнала только вчера, и планируешь провести с ним еще один день. Ты. Консультант по этике. Которая учит людей не спать с коллегами».

Но он не был коллегой. Он был просто Борисом.

Просто Борисом, — повторила я про себя и чуть не рассмеялась. Такие мужчины не бывают «просто».

— Какой кофе? — спросил он, не оборачиваясь.

— Черный. Без сахара. Как моя душа.

Он хмыкнул.

— У тебя нет черной души, Юля-бухгалтер. У тебя душа цвета... — он сделал паузу, разливая кофе по чашкам, — карамели. Сладкая, но с горчинкой.

Я села в кровати, прижимая простыню к груди.

— Ты что, поэт?

— Хуже. Бизнесмен с хорошим вкусом.

Он вернулся с двумя чашками, протянул мне одну и сел рядом, даже не пытаясь прикрыться. Я старалась смотреть ему в глаза. Честно старалась. Но периферийное зрение — предатель.

— Ты пялишься, — заметил он с довольной ухмылкой.

— Я оцениваю ущерб, нанесенный моей нервной системе за последние двенадцать часов.

— И каков вердикт?

— Тотальный. Необратимый. Ты разрушил меня, Борис Северьянов.

Он отпил кофе, глядя на меня поверх ободка чашки.

— Взаимно.

Мы завтракали на балконе. Он заказал в номер фрукты, круассаны и еще кофе — литра два, не меньше. Море искрилось под солнцем, чайки орала как ненормальные, а ветер трепал мои волосы, которые я даже не пыталась расчесать. Борис сидел напротив в одних шортах, босиком, и мазал масло на круассан с такой сосредоточенностью, будто заключал многомиллионную сделку.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросил он. — Что угодно. Что ты любишь, что ненавидишь, о чем мечтаешь.

— Это допрос?

— Это... исследование. Я хочу знать, кто ты, Юля.

Юля. Черт. Точно.

Я откусила клубнику, чтобы выиграть время.

— Я люблю дождь. Особенно летний, когда пахнет пылью и озоном. Ненавижу, когда люди чавкают в общественном транспорте. Мечтаю однажды проснуться и понять, что я там, где должна быть, с тем, с кем должна быть, и больше никуда не бежать.

Он долго смотрел на меня. Так долго, что я начала ерзать.

— Что? — не выдержала я.

— Ничего. Просто... ты сказала «с тем, с кем должна быть». И посмотрела на меня.

— Я смотрела на чайку за твоим плечом.

— У чаек нет таких красивых глаз.

— Ты невыносим.

— Знаю.

Он улыбнулся — широко, открыто, и я вдруг поняла, что за всю прошлую ночь он улыбался иначе. Сдержанно, с ленцой, как будто боялся показать слишком много. А сейчас — просто мужчина, который ест круассан на балконе с женщиной, которую знает меньше суток, и ему хорошо.

Мне тоже хорошо, — подумала я. Мне так хорошо, что страшно.

После завтрака мы пошли на пляж.

Точнее, мы собирались на пляж. Но до пляжа нужно было дойти по коридору, потом спуститься в лифте, потом пройти через лобби... В лифте он прижал меня к зеркальной стене и целовал так, что я забыла, какой этаж нам нужен. Двери открылись на третьем, какая-то пожилая пара в панاماх уставилась на нас, и Борис, не отрываясь от моих губ, нажал кнопку закрытия.

— Мы, кажется, проехали лобби, — прошептала я.

— Какая разница.

Мы вышли на двенадцатом, снова зашли в лифт, поехали вниз, и на пятом он опять меня поцеловал. К тому моменту, когда мы наконец добрались до пляжа, прошло сорок минут, и я была уверена, что охрана отеля уже делает ставки на то, сколько кругов мы намотаем.

На пляже было жарко. Обжигающе, плавно, невозможно жарко — но не от солнца. От него. Он лежал рядом на шезлонге, в одних плавках, и капли морской воды стекали по

его груди, задерживаясь в ложбинках между мышцами. Я старалась читать книгу. Честно. Но буквы расплывались, а строчки сливались в одно сплошное «посмотри на него, посмотри на него, Нина, ты же хочешь».

— Ты не читаешь, — заметил он, не открывая глаз.

— Читаю.

— Ты держишь книгу вверх ногами.

Я опустила взгляд. Книга действительно была вверх ногами.

— Это... новый метод скорочтения. Разработан японскими учеными.

— Врешь. Опять.

Он сел, стряхнул песок с плеч и посмотрел на меня с той самой ухмылкой, от которой у меня внутри все переворачивалось.

— Пойдем в воду.

— Я только намазалась кремом.

— Я намажу тебя заново. Потом. Очень тщательно. Везде.

Он сказал это так буднично, что я чуть не подавилась воздухом. «Везде» в его исполнении звучало как обещание, от которого подгибались пальцы на ногах.

Вода была теплой, как парное молоко. Мы заплыли далеко, туда, где не доставали до дна, и он держал меня на плаву, прижимая к себе. Его руки скользили по моему телу под водой — невинно, почти случайно, но от каждого прикосновения по коже бежали искры. Я обхватила его ногами, чувствуя, как он твердеет даже в прохладной морской воде, и рассмеялась ему в плечо.

— Ты ненасытный.

— Ты даже не представляешь, — он укусил меня за мочку уха. — Я хочу тебя постоянно. Это какое-то проклятие. Ты меня приворожила, Юля-бухгалтер?

— Нет. Я просто свожу дебет с кредитом, а ты — моя самая большая статья расходов.

Он засмеялся — громко, запрокинув голову, и эхо разнеслось над водой. Чайки на берегу возмущенно заорали в ответ.

— Ты удивительная, — сказал он, отсмеявшись. — Я не помню, когда в последний раз так смеялся.

— Наверное, когда подписывал контракт на пару миллиардов.

— Нет. Тогда я не смеюсь. Тогда я... удовлетворен. Но не счастлив.

Он сказал это серьезно, без тени улыбки, и у меня что-то сжалось в груди. Я потянулась и поцеловала его — медленно, нежно, соленой от моря водой на губах. Он ответил так же медленно, и на секунду мир сузился до этого момента: бескрайнее синее море, жаркое солнце на плечах и его руки, держащие меня на плаву.

— Эй, голубки! — раздался крик с берега. — До буйков не заплывайте, там течение!

Мы отпрянули друг от друга, как подростки, застуканные родителями. Спасатель на вышке махал нам рукой и ухмылялся.

— Кажется, нас спалили, — прошептала я.

— Плевать, — Борис снова притянул меня к себе. — Пусть смотрят. Пусть завидуют.

Обедать мы пошли в ресторан на набережной — тот самый, с мишленовской звездой, куда запись за две недели. Борис просто вошел, кивнул метрдотелю, и нас тут же проводили к лучшему столику с видом на закат.

— Ты здесь уже был? — спросила я, разглядывая меню, в котором половина слов была на французском, а цен не было вообще (самый страшный признак).

— Нет. Но фамилия Северьянов открывает многие двери.

— Звучит как начало фильма про мафию.

— Может, я и есть мафия.

Он подмигнул, и я прыснула.

Мы заказали морепродукты, белое вино и десерт, который назывался как-то непроизносимо и стоил, подозреваю, как мой месячный гонорар за семинары. Борис кормил меня с вилки, я отбивалась и смеялась, вино ударило в голову, и к середине ужина мы уже вели себя как пара, которая вместе сто лет — перебивали друг друга, спорили о вкусе устриц (он утверждал, что это «амброзия», я — что «сопли в ракушке»), и он проиграл, потому что я состроила такое лицо, когда попробовала, что он чуть не подавился от смеха.

— Ты похожа на кошку, которой дали лимон, — сказал он, вытирая слезы.

— А ты похож на человека, который ест сопли и делает вид, что это деликатес.

— Это устрицы!

— Сопли. В ракушке. Я настаиваю.

Он заказал мне пасту с трюфелем, чтобы «реабилитировать мои вкусовые рецепторы», и я съела ее с таким удовольствием, что он смотрел на меня, забыв о своей еде.

— Что? — спросила я с набитым ртом.

— Ничего. Ты красивая, когда ешь.

— Я красивая всегда, — промямлила я, жуя. — Просто когда я ем, ты можешь представить, как я буду выглядеть через двадцать лет, когда растолстею на твоих мишленовских ужинах.

— Я согласен на этот риск.

Сердце пропустило удар. «Я согласен на этот риск». Он говорил так, будто у нас было будущее. Будто завтра мы не разъедемся в разные города, и он никогда не узнает, что я не Юлия, а Нина, и что через день я буду учить сотрудников крупной компании не заниматься тем, чем мы занимались последние сутки.

Я отпила вина, чтобы скрыть внезапную горечь.

— Эй, — он накрыл мою ладонь своей. — Ты замерла. О чем подумала?

— О том, что завтра... послезавтра... все это закончится.

Он долго смотрел на меня. Потом поднес мою руку к губам и поцеловал запястье — туда, где бился пульс.

— Не закончится, — сказал он тихо. — Я не позволю.

Ты не знаешь, о чем просишь, — подумала я. Ты даже не знаешь моего настоящего имени. Но вслух сказала:

— Тогда закажи еще вина. Если ты собираешься меня не отпускать, мне нужно больше алкоголя.

После ужина мы пошли гулять по набережной. Он держал меня за руку, переплетая пальцы, и это было так просто, так естественно, что у меня слезились глаза. Фонари отражались в темной воде, играла музыка из прибрежного кафе, пахло жареными каштанами и сладкой ватой.

— Стой, — я дернула его за руку. — Смотри.

На афише у входа на пирс было написано: «Шоу дельфинов. Последнее представление в 21:00».

— Ты серьезно? — он поднял бровь.

— Я обожаю дельфинов. Они умные и у них всегда такое лицо, будто они знают что-то, чего не знаем мы.

— У тебя самой такое лицо.

— Тогда мы идем. Это судьба.

Мы купили билеты в последнем ряду, потому что все остальные места были заняты. Дельфины выпрыгивали из воды, крутили сальто, рисовали картины плавниками и брызгались на зрителей. Я визжала, как ребенок, хлопала в ладоши и дергала Бориса за рукав: «Ты видел?! Ты видел, что он сделал?!» А он смотрел не на дельфинов — на меня. И улыбался.

В середине шоу тренер попросил добровольца из зала. Я, конечно, подняла руку. Борис застонал:

— Юля, нет.

— Юля, да!

Меня вытащили на сцену, дельфин по имени Арчи подплыл к бортику и начал тыкаться носом мне в ладонь, требуя рыбу. Я кормила его, смеялась, а он вдруг выпрыгнул и чмокнул меня прямо в губы.

Зал взорвался аплодисментами и смехом. Я вернулась на место красная, с мокрым лицом и абсолютно счастливая.

— Он тебя поцеловал, — мрачно заметил Борис.

— Ревнуешь?

— К рыбе? Нет. К млекопитающему с интеллектом выше, чем у некоторых моих конкурентов? Возможно.

Я рассмеялась, обхватила его лицо ладонями и поцеловала — соленой от дельфиньего поцелуя, пахнущей рыбой и морем.

— Ты единственный мужчина, с которым я хочу целоваться. И единственное млекопитающее в моей жизни.

— Звучит как признание.

— Это констатация факта.

Мы целовались до конца шоу. На нас шикали сидящие рядом бабушки, но нам было плевать. Мир сузился до темноты зала, отблесков воды на потолке и вкуса его губ — вино, соль и что-то еще, что я не могла назвать, но от чего кружилась голова.

В отель мы вернулись за полночь.

В лобби было пусто, только охранник дремал за стойкой. Мы крались по коридору, как нашкодившие подростки, хихикая и зажимая друг другу рты, чтобы не разбудить соседей. У двери его номера он долго не мог попасть ключом в замок, потому что я целовала его шею, а он пытался одновременно удержать меня и открыть дверь.

— Ты мне мешаешь, — прошептал он.

— Это моя работа.

— Ты бухгалтер. Твоя работа — цифры.

— Сегодня у меня выходной. Сегодня моя работа — сводить тебя с ума.

Дверь наконец поддалась. Мы ввалились в номер, и он прижал меня к стене — знакомо, как вчера, но теперь в этом движении было что-то другое. Не просто страсть. Не просто желание. Что-то глубже, темнее, отчаяннее — как будто мы оба чувствовали, что время утекает сквозь пальцы.

— Я хочу тебя, — выдохнул он мне в шею. — Снова. Постоянно. Это какое-то безумие.

— Тогда не останавливайся.

Он не остановился.

Он раздевал меня медленно, мучительно медленно, целуя каждый сантиметр открывающейся кожи. Блузка улетела на пол, за ней юбка, белье — кружевное, черное, купленное специально для этой поездки (я врала себе, что для себя, но кого я обманывала?). Он опустился на колени, стягивая с меня трусики, и посмотрел снизу вверх — серые глаза в полумраке казались бездонными.

— Красивая, — повторил он, как в первую ночь. — Такая красивая, что больно смотреть.

А потом он сделал такое, от чего я забыла, как дышать. Его губы, его язык, его пальцы — все смешалось в один бесконечный импульс наслаждения, который накатывал волнами, не давая передышки. Я вцепилась в его волосы, выгибаясь навстречу, и с моих губ срывались звуки, которые я даже не знала, что способна издавать. Он не останавливался, не давал мне упасть с этого пика — поднимал выше, еще выше, пока я не взмолилась:

— Хватит... я больше не могу...

— Можешь, — его голос вибрировал у меня между ног. — Ты можешь все. Для меня.

И я кончила — с криком, который он поймал губами, поднявшись и накрыв мой рот поцелуем. Я чувствовала свой вкус на его языке, и от этого возбуждение вспыхнуло с новой силой.

— Теперь ты, — прошептала я, расстегивая его ремень. — Теперь моя очередь сводить тебя с ума.

Я опустила перед ним на колени. Его ладонь легла мне на затылок — не давила, просто держала, и от этого прикосновения по моей спине побежали мурашки. Я взяла его в рот, медленно, дразняще, глядя снизу вверх, и увидела, как его глаза закрываются, а челюсть сжимается, сдерживая стон.

— Юля... — выдохнул он. — Черт...

Его пальцы сжались в моих волосах. Бедрa дернулись навстречу — он сдерживался, я чувствовала это по тому, как напряглись мышцы его живота. Я ускорила ритм, и он застонал — низко, хрипло, запрокинув голову к потолку.

— Остановись, — выдохнул он. — Я хочу быть внутри тебя.

Он подхватил меня с пола одним движением, донес до кровати и бросил на простыни. Навис сверху, упираясь руками по обе стороны от моей головы, и вошел — резко, глубоко, заполняя меня целиком. Я вскрикнула и обхватила его ногами, притягивая ближе.

Мы двигались в бешеном ритме, сбивчивом, рваном. Попытка запомнить друг друга телом, впитать в кожу, в кости, в кровь. Он шептал мое имя — Юля, Юля, Юля — как молитву, и каждое «Юля» резало меня изнутри, потому что это было не мое имя.

Я Нина. Я не бухгалтер. Я та, кто завтра будет учить тебя, что так нельзя.

Но сейчас — сейчас было можно. Сейчас не было правил, не было этики, не было завтра. Только он, я и это безумное, невозможное чувство, которое росло между нами, как волна, готовая обрушиться.

Он кончил с рыком, уткнувшись лицом в мое плечо, и его тело содрогалось в моих руках. Я держала его, гладила по спине, чувствовала, как бешено колотится его сердце, и думала: «Я пропала. Я окончательно пропала».

Потом он перевернулся на спину, притянул меня к себе, и мы лежали — мокрые, обессиленные, переплетенные. Его пальцы рисовали круги на моем плече.

— Лучший день в моей жизни, — сказал он тихо.

— У тебя было много дней. Ты строил империи.

— Империи — это работа. А это... — он поцеловал меня в макушку. — Это жизнь.

Я закрыла глаза, чувствуя, как подступают слезы.

Завтра. Завтра все закончится.

Но сегодня — сегодня мы были просто мужчиной и женщиной, которые нашли друг друга на два дня и пытались вместить в них целую жизнь.

Глава 3. Реальность

Я проснулась в понедельник утром в его постели. Он еще спал, раскинувшись на спине, и солнечный свет рисовал полосы на его загорелой коже. Я смотрела на него и считала минуты.

Через три часа я должна была стоять в конференц-зале этого же отеля и рассказывать кучке менеджеров про недопустимость интимных отношений на работе.

Я осторожно выбралась из постели, собрала свою одежду, разбросанную по номеру, и на цыпочках выскользнула в коридор. В своем номере я встала под душ, смывая с себя его запах, его прикосновения, его «Юля, Юля, Юля».

Не смылось.

Я надела деловой костюм. Застегнула блузку на все пуговицы. Собрала волосы в строгий пучок. Нацепила очки. Посмотрела в зеркало.

На меня смотрела Нина Андреевна, консультант по корпоративной этике. Но где-то глубоко в зрачках все еще пряталась Юля-бухгалтер, которая ела пасту с трюфелем, целовалась в дельфинарии и стонала под мужчиной, чье имя даже не потрудилась узнать до конца.

— Соберись, — сказала я своему отражению. — Ты профессионал. Ты справишься.

Отражение посмотрело на меня с сомнением.

Я взяла ноутбук, надела для солидности очки и пошла в конференц-зал.

Я открыла ноутбук, подключила проектор, разложила раздаточные материалы и оглядела зал. Менеджеры среднего звена рассаживались, позевывая и поглядывая на часы. Толстого директора с сальными глазками видно не было.

Странно, — подумала я. Он же должен был открывать семинар.

Дверь открылась.

Я подняла глаза — и мир остановился.

В зал вошел Борис. Мой Борис. Мужчина, с которым я провела последние двое суток в постели, изучая каждый сантиметр его тела. Тот самый Борис, который стонал мое имя — мое вымышленное имя — и обещал, что «дела подождут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.